

Цикл
Сергея Калашникова
ВСЕ РЕКИ ПЕТЛЯЮТ

Все реки петляют. От Альбиона до Ямайки
Все реки петляют. Москва и Московия

СЕРГЕЙ КАЛАШНИКОВ

**ВСЕ РЕКИ
ПЕТЛЯЮТ**

МОСКВА И МОСКОВИЯ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
К17

Серия «Военная боевая фантастика»

Выпуск 39

Иллюстрация на обложке *Владимира Гуркова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Калашников, Сергей Александрович

К17 Все реки петляют. Москва и Московия : роман / Сергей Калашников. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2023. — 416 с. — (Военная боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-156896-2

Сознание нашего соотечественника и современника попадает в ребёнка, живущего в Англии в конце семнадцатого века. Героиня с родителями и группой учеников созданной её трудами школы добралась до Архангельска, где выяснилось, что планы по созданию речной империи оказались чересчур смелыми: иноземцам по землям Московии свободно перемещаться нельзя. Ей дозволено только привозить и увозить товары в Архангельск, а внутрь страны соваться категорически не рекомендовано.

Так что Софье Джонатановне предстоит решить непростую задачу — подготовить местных жителей к созданию речного флота и наладить движение по рекам и через волоки, а самой сидеть на месте и не высовываться. Это в то время, когда неутомонную героиню неудержимо тянет везде побывать и всё увидеть. Однако везёт тому, кто везёт. Софи категорически не готова к тому, чтобы упустить даже малейший шанс добиться своего.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-156896-2

© Сергей Калашников, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

ЦАРЕВНА И ЦАРЁНОК

Мы под присмотром двух дюжих молодцев, державших в руках топорики на длинных прямых топорницах, стояли с отцом в комнате со сводчатым потолком и рассматривали её убранство. Собственно, молодцы и были главным украшением интерьера, вернее, их роскошные, отороченные мехами парчовые одеяния. То есть это рынды — царские телохранители и исполнители высочайших пожеланий, силовая структура оперативного назначения. Не знаю, кого в эту службу набирают, но если кого взашей вытолкать нужно или головы снести, они всегда под рукой.

Софи и её папенька одеты в брюки и относительно короткие камзолы. Шубы и шапки они оставили ещё в сенях, простым движением сбросив с плеч за спину и не заботясь о том, успеют ли их подхватить слуги. Мы у монархини, как-никак! Должны вести себя так, словно уверены в безупречности местного сервиса. И отец и дочь в высоких сапогах, но без шпаг, то есть как бы безоружные. Однако у каждого по две кобуры на поясе. Прямоугольные кожаные футляры не выдают форму содержимого, потому что кроме компактного по нынешним временам револьвера должны вместить в себя припас для ещё одной перезарядки. К тому же левая кобура у каждого из нас пуста, просто висит на ремне для

симметрии. А в правой кобуре мирно покоится заряженный револьвер капсюльного типа — их всего два и успели изготовить до отъезда в столицу, зато испытали от всей души.

Отец приоткрыл клапан на левом боку, достал свёрнутую трубочкой челобитную, писанную от своего имени, прочитал и вернул обратно в «сумочку». Софи повторила этот ход, только свою челобитную прятать не стала, а, опустив клапан кобуры, зажала в руке. Оба только что ненавязчиво продемонстрировали полную безоружность, имея под правой рукой по шесть заряженных стволов. Волнуются, в общем. Ну и подчеркнули действием, что сумочки у них носят бытовой характер. Не станут же гостей царевны обыскивать с перетряхиванием!

А я в ожидании встречи с самой могущественной особой этого места в нынешнем времени принялся вспоминать: что же из истории знаю о Софье? Властная. Не хотела отдавать Петру государственное кормило. Стрельцы были на её стороне. Кажется, она их ещё и на бунт подзуживала. Да, тут имел место тот ещё гадюшник! Так что нужно как-то поаккуратней с этой особой.

И вот вошла царевна. Не сказать чтобы писаная красавица, но лицо с правильными чертами. Годами примерно как наша мамуля, ростом ниже, и в теле не чувствуется гибкости, хотя это, может быть, из-за не слишком удачного покроя одежды. Русская мода тяготеет к основательности и тяжеловесности даже в дамских туалетах.

Сонька с отцом выполнили поклон, приближенный к поясному, и представились, каждый назвав себя по имени.

— И как это вы двумя кораблями сумели потопить сразу три? — не стала мучить нас немой сценой Софья Алексеевна. Зато спросила на латыни. Полагаю, проверяет на образованность.

— У нас пушки лучше, — на том же языке и в том же телеграфном стиле ответствовала Софочка. А отец одобрительно кивнул.

— Откуда они у вас?

— В Англии сделаны малоизвестным мастером, — чётко продолжила наметившуюся партию Софи.

— Сможешь привезти этого мастера сюда? — не стала ходить вокруг да около царевна.

— Не знаю, самодержица. Я ещё не пробовала, — ясно обозначила свою позицию Сонька.

— Люди видели, сколь часто и точно вы палили, — окончательно прояснила ситуацию царевна. — Говори, чего потребно для того, чтобы доставить мне этого мастера?

Сонька с поклоном подала челобитную. Она филигранно разыграла безупречный гамбит, основываясь на первом же ходе собеседницы.

— По рекам ходить желаешь? — приподняла брови Софья Алексеевна. — Зачем тебе это? Или морей-океанов уже мало?

— Люблю плавать, но на море волны страшные и до берега далеко. — Сонька состроила испуганную мордашку. — А так хочется на мир посмотреть. Доплыть до Китая, на Тихий океан полюбоваться с бережка...

Да она же просто подтроливает царевну! Кажется, до той начало доходить, что начинается своего рода торг: «Ты мне разреши свободно перемещаться по всей подвластной тебе территории, а я о мастере похлопочу».

— А ты, Джонатан, чего просишь? — перевела царевна взгляд на отца.

— Ничего не прошу. Ты звала — я явился, — ответил папенька на вполне уверенной латыни, чётко подхватив тональность Софочки. — На Москву вместе с дочерью приехал, потому что ей воевода велел. Присмотреть, чтобы не накуролесила тут по малолетству. А то она у меня бедовая.

— У тебя ведь на корабле тоже пушки хороши. От того же мастера?

— От того же. Они с Софи с детства знакомство водят с великой обоюдной приятностью, вот он и мне артиллерию поправил на свой лад ради добрых отношений с доченькой. Да и я его в доме своём привечал, оттого и был сей мастер столь любезен, — чётко усугубил папаня дочкин «наезд», давая понять, что существуют обстоятельства, которые превыше монарших хотелок.

— Ступайте, — вдруг сделала отвергающий жест царевна.

Похоже, беседа с нами не пришлась ей по душе.

* * *

«Так в чём дело, внутренний голос? — пытала меня Софочка по дороге на выход из кремлёвских палат. — Что это такое произошло с Софьей Алексеевной? Отчего она так поступила? Почему прогнала нас столь внезапно?»

«Думаю, дело в том, что мы выпали из привычных ей схем. На службу не просились, жалованья не требовали, а предложили то, что ей самой надобно. Согласись, морская торговля России нужна. И внутренняя транспортная связь — тоже. Уж кто-кто, а правительница это понимает лучше всех. Хорошо, что отец не стал свою чело­битную подавать, а то окончательно свернул бы бедной женщине мозг. Ведь наверняка сама репу морщит, как бы товары русские подороже сбывать прямиком там, где они в хорошей цене. Если бы увидала ходатайство о дозволении вывозить их морем вместе с купцами-хозяевами, заподозрила бы подвох. Она ведь большая умница, эта царевна. Жалко, что верующая».

«А при чём здесь вера?»

«Так попы местные много власти забрали. Над умами людскими и над помыслами властительскими. Даже

вон раскол у себя учинили. Не знаю я, в чём там закавыка. Припоминаю, спорили они про то, сколькими пальцами креститься следует».

«Ты-то тремя перекрестился на икону», — напомнила мне реципиентка.

Надо же, а я и не обратил внимания на собственную выходку, потому что это, то есть поступать как все окружающие, уже стало для меня рефлексом: увидел образа — сделал одухотворённую мосю и осенил себя крестным знаменiem. Сонька, кстати, не противится. Поняла, что это для местных словно сигнал «я свой». Она в вопросах мимикрии всегда следует за подругой своей — Мэри.

* * *

Соньке тринадцать. Пётр Алексеевич, насколько я высчитал, парой лет старше. То есть ему или пятнадцать, или четырнадцать.

Откуда такая неуверенность? Загвоздка в различиях летоисчисления. На Руси нынче время отсчитывают от сотворения мира, то есть сейчас здесь идёт семь тысяч какой-то год. А в Европах считают от Рождества Христова. Кроме того, что имеется различие в юлианском и григорианском календарях то ли в двенадцать, то ли в тринадцать дней, так ещё и год в каждой стране начинают по-разному — кто с марта, а кто и с сентября. Так что запутаться проще простого, если не сесть с бумажкой и не провести подробные выкладки.

Так вот, начинать вычисления мне нынче недосуг, потому что в нашей гостиничной гостиной сидят на диванчике бедро к бедру юный долговязый царь Пётр Алексеевич и Лиза-Рисовальщица, склонив головы над распаханной папкой с эскизами, набросками и прочей графикой, и водят пальцами по листам.

— Здрав будь, герр Питер, — брякнул я машинально, припомнив, как этот человек велел к себе обращаться...

во много более зрелом возрасте, причём в кинофильме.

Подросток поднял голову и ответил по-немецки. Ни я, ни Софи ничего не поняли, потому что ни «Гитлер капут», ни «хенде хох» сказано не было.

— Ихь шпрехе дойче нихт, — откликнулся я рефлексивно. — Можно на латыни общаться, или давай перейдём на русский.

— Изрядно горазда дочь твоя, Агата Кристобельевна! — послышался голос из-за стола, где матушка потчевала вином представительного мужчину, одетого, на мой взгляд, в стиле польской шляхты, то есть в богато отделанный кафтан из драгоценной ткани. Говорил он на латыни, но имя произнёс по-русски.

— Приятно слышать, Борис Алексеевич! — с улыбкой ответила маменька, после чего познакомила меня и папу с гостем — князем Голицыным, воспитателем подрастающего будущего императора.

Пока шёл обмен любезностями, я судорожно вспоминал, кто этот человек. Вот не помню я о таком... конкретно. Хотя этих Голицыных всегда хватало — хоть сколько-то, но было на слуху в любой исторический период.

Теперешний фаворит царевны тоже Голицын — это у меня уже свежая информация из нынешних времён. Так тот, ещё один Голицын, который Василий Васильевич, чуть ли не правителем считается, потому что в разумность женщин современники моей реципиентки категорически не верят, а в то, что её ближайший сподвижник куда мудрее уже потому, что носит штаны, верят.

Пётр же, про которого, естественно, никто не забыл, поднялся с дивана и обратился к Софи:

- Ты настоящий корабль по морям водишь?
- Да, государь, — ответила на этот раз Софочка.
- Покажешь.

Это был не вопрос, а повеление. Сонька исполнила книксен, что в высоких сапогах и брюках выглядело чересчур прогрессивно.

Я принялся вспоминать всё, что помню о юношеских и подростковых годах будущего Петра Великого. Не так уж много. Потешные полки, ботик, пальба из пушки и штурм игрушечной крепости. Всё это без привязки к датам и без имён участников событий. Позднее, повзрослев, этот человек интересовался множеством профессий, напряжённо учился, энергично добиваясь исполнения задуманного. Даже окно в Европу прорубил, перелив церковные колокола в пушки. Значит, с металлом в стране было напряжённо. И это лет через пятнадцать, если отсчитывать от сегодняшнего времени.

Отсюда вопрос: чем занимаются Строгановы, которые настолько богаты, что могут позволить себе заказывать предметы роскоши прямиком из Голландии? Там ведь, кажется, даже оконное стекло было в грузе. Хотя я точно помню: Урал, на который эти Строгановы опирались, был для России источником и меди, и железа.

А пока мне остаётся только сетовать на то, что историю этого периода знаю слишком поверхностно. Так я в эти времена и не собирался попадать. Как и в другие, впрочем. И вообще попадать.

Пока я копался в воспоминаниях, будущий царь, который пока только заготовка монарха, наслаждался обществом не слишком скованных девочек. Его расспрашивали о ремёслах, которые он осваивал, делая при этом достаточно содержательные замечания и интересуясь деталями выполнения отдельных операций.

— Ах! — хлопнула ресничками малышка Кэти. — Строгать рубанком широкие доски — это очень тяжело. Железка всё время норовит «отпустить» стружку и проскользнуть вперёд. Мальчишки смеются надо мной, говорят, что нужно больше кушать. А я кушаю, но не

толстею и не делаюсь сильной и тяжёлой. Но на шкафу уже семь раз подтягиваюсь. И отжимаюсь восемь. Но работать на токарном станке по дереву мне не позволяют.

— Ну да, держать резец нужно крепко, — поддержал нашу манюню Пётр и перевёл внимание на изучение Лизиних рисунков. — Так для чего эта палка?

— По ней скользит передняя кромка паруса, когда его поднимают, — пояснила Консуэлла. — А какими ещё ремёслами ты занимался?

Идёт обычная процедура знакомства школяров с новичком. Парнишку расспрашивают об интересах, о навыках — прицениваются к предстоящему сотрудничеству. Так уж сложилось в нашей школе за многие годы, потому что после грызения науки за партой с этим человеком, возможно, придётся один сортир чистить. Или держать оправку, по которой он ударит молотом.

Но в данный момент меня интересует не венценосный недоросль, а его спутник, который теперь общается с нашими родителями на вполне разборчивом английском. Оказывается, этот человек не только служит дядькой при подрастающем государе, а ещё и возглавляет Иноземский приказ. Тот факт, что он привёл Петра на Кукуй, наводит на мысль, что воевода архангельский известил о нас не только прямое начальство, царевну, но и родню — вдовствующую царицу. Остаётся понять: мы идём по разряду диковинок или кому-то что-то из-под нас нужно?

— Мы сегодня, когда папа с Софи ходили подавать челобитную, засекли прохождение Солнца через меридиан и отметили по деревянным часам истинное местное время, — сообщила Кэти. — А сейчас Луна показалась, причём стоит довольно высоко. Пойдёмте измерять длину.

Подхватив под локотки нашего юного гостя, девочки повлекли его на двор.

— Профессор, — попросила от двери Лиза, — засеки, пожалуйста, время, когда снежок ударится в стекло.

— А почему нельзя взять часы с собой? — не понял Пётр. — В них же нет маятника. Они с хода не собыются.

Да, у мальчика живой ум, и энергии ему не занимать. Лёгок он на подъём, но серьёзной физико-математической подготовки не имеет. Упс! Я это вслух сказал? А то наш гость как-то странно посмотрел в мою сторону.

Князь Голицын продолжал разговаривать с родителями, перескакивая с темы на тему: о погоде, о последних новостях отовсюду. Ничего примечательного упомянуто не было. Вернувшийся со двора Пётр норовил отколупать что-то от секстанта — хотел узнать, что там у него внутри. Кэти чуть в драку не полезла, защищая свою любимую приبلуду. Лиза взяла новый лист бумаги и быстро набросала эскиз, пояснениями к которому и занялась компания, демонстрируя отдельные возможности инструмента так, чтобы это обошлось без процедуры вскрытия. Мэри смиренно присутствовала, подавая вино и ничем себя не проявляя, — прикидывалась служанкой. А Софи пыталась вникнуть в смысл разговора взрослых, в чём не преуспела в связи с отсутствием такового. Хотя мысленно переводила для меня с латыни содержание отдельных фраз, которые то и дело вставлялись в беседу.

До меня постепенно дошло, что папа с мамой, рассказывая о чудесном крае, именуемом Ямайкой, создали ощущение непринуждённости и перевели тему на воспоминания о том, как в тёплых солнечных землях подрастала общительная девочка Агата, которую ласковые, но строгие родители учили не только играть и носиться с детворой, но и языкам, истории, музыке. Наш гость, с удовольствием вкусивший прекрасных вин и сделавшийся разговорчивым, поведал о младенческих и детских годах всё ещё юного царя, которого тоже учили понемногу чему-нибудь и как-нибудь, не углубляясь

особенно в занудливые тонкости, дабы у мальчика оставалось достаточно времени на проявление склонности к подвижности и любознательности.

Взрослые болтали о детях с обычным для них умилением. Помянули и царевну Софью, которая в учёбе была заметно прилежней и настойчивей — постигала многие премудрости у человека учёного и авторитетного, назначенного ей в учителя. Борис Алексеевич старше нынешней самодержицы считанными годами: её отрочество совпало с его юностью и началом придворной карьеры. Гость очень выпукло нарисовал образ заметно отличающейся от своих многочисленных вялых и болезненных братьев и сестёр живой и любознательной девочки, которая стремилась выучиться и помогать папёнке-царю Алексею Михайловичу в делах государственных. Ведь отец её, хоть и был прозван Тишайшим, и в военные походы армии водил небезуспешно, и преобразования внутри государства начинал.

Что уж там во благо было, что во вред, теперь и не поймёшь: помер государь, дел до конца не доведя. А правивший вслед за отцом брат Софьи Фёдор к проведению изменений в стране рьяности не проявил. Да и кому охота лаяться с боярами, которые и есть опора трона? Их и имеющееся положение вещей устраивает.

Папёнка с маменькой проявляли всяческую заинтересованность, поскольку имели дело с важнейшим источником информации — человеком из верхних эшелонов власти, увлёкшимся отличными винами. Мы напряжённо усваивали информацию, мало отвлекаясь на общение младших сестёр и Рисовальщицы с будущим Петром Великим. И только когда среди подростков пошла речь о том, как Софи порвала задницу недобросовестному французскому покупателю, родители вспомнили, что детям пора спать. А то как-то они чересчур разошлись, перестав проявлять подобающую встрече на столь высоком уровне сдержанность.

Глава 2

БОЛЬШИЕ ДЯДИ И МАЛЕНЬКАЯ ДЕВОЧКА

Мы оказались в несколько неопределённом положении. С одной стороны, после бесплодного хождения по инстанциям, именуемым нынче приказами, удалось выяснить, что подавать челобитную нужно царевне при её выходе к народу. С другой — так дело повернулось, что это самое прошение удалось вручить прямо в руки, да ещё и убедиться: главное лицо государства с его содержанием ознакомилось. Даже вопросы уточняющие лицо задало, а это, между прочим, просто запредельно высокая честь для каких-то никому не ведомых приезжих.

С третьей стороны, стало окончательно ясно: воевода архангельский направил нас сюда в качестве диковинок, чтобы потешить и собственное прямое руководство — царевну, и свою высокопоставленную родственницу — двоюродную сестру и вдовствующую царицу в одном лице. Поверх этого накладывается интерес к нашей пушечке, посредством которой столь успешно были лишены парусов неприятельские корабли.

Словом, ситуация непрозрачна. А мы остаёмся в подвешенном положении под колпаком у сильных мира сего, которым наши надежды и чаяния глубоко по барабану. К такому выводу пришёл семейный совет Корнов, проведённый в несколько расширенном составе.

Заодно и план действий наметили, пока не выяснится, примут в отношении нас какое-либо решение или забудут из-за более важных дел. Второе наиболее вероятно, но требует некоторого времени: нам ведь не доложат, что уже позабыли! И его, это самое время, следует провести с максимальной полезностью — собрать сведения, имеющие для нас стратегическое значение. Тут всё-таки столица, где много людей, немало знающих. Основные направления — знакомство с соседями